

18+

Марль Бодлер

*Бодлер
Марль.
Избранное*

*В переводе
Станислава Хромова*

Шарль Бодлер

**Бодлер Шарль. Избранное.
В переводе Станислава Хромова**

«Издательские решения»

Бодлер Ш.

Бодлер Шарль. Избранное. В переводе Станислава Хромова /
Ш. Бодлер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-503922-4

В книгу переводов Станислава Викторовича Хромова включены переводы стихотворений известного французского поэта XIX века Шарля Бодлера. Переводы Станислава Хромова сохраняют неизменным поэтический строй и передают изящество и смысл оригинала. Многие стихотворения переведены впервые.

ISBN 978-5-00-503922-4

© Бодлер Ш.
© Издательские решения

Содержание

ШАРЛЬ БОДЛЕР. ИЗБРАННОЕ	6
В переводе Станислава Хромова	7
ИЗ СЕРДЦА...	8
К ЧИТАТЕЛЮ	11
БЛАГОСЛОВЛЕНИЕ	13
АЛЬБАТРОС	16
ВОСПАРЕНИЕ	18
СООТВЕТСТВИЯ	19
Я полюбил то время золотое...	20
МАЯКИ	21
БОЛЬНАЯ МУЗА	23
ПРОДАЖНАЯ МУЗА	24
СКВЕРНЫЙ МОНАХ	25
ВРАГ	26
НЕУДАЧА	27
ПРЕДСУЩЕСТВОВАНИЕ	28
ЦЫГАНЫ	29
ЧЕЛОВЕК И МОРЕ	30
ДОН ЖУАН В АДУ	31
ВОЗДАЯНИЕ ГОРДОСТИ	32
КРАСОТА	33
ИДЕАЛ	34
ГИГАНТША	35
МАСКА	36
ГИМН КРАСОТЕ	37
ЭКЗОТИЧЕСКИЙ АРОМАТ	38
ВОЛОСЫ	39
Я ласкал тебя так...	40
О, ты в постель весь мир бы затащила...	41
Кто возродил тебя из темноты...	42
Мерцали одежды, струился наряд...	43
ТАНЕЦ ЗМЕИ	44
ПАДАЛЬ	45
ИЗ БЕЗДНЫ ВЗЫВАЮ	48
ВАМПИР	49
В постели мы раскинулись, как трупы...	50
ПОСМЕРТНЫЕ УГРЫЗЕНИЯ	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Бодлер Шарль. Избранное

В переводе Станислава Хромова

Шарль Бодлер

Станислав Викторович Хромов *Переводчик*

Виктор Найденов *Иллюстратор*

Галина Левичева *Иллюстратор*

© Шарль Бодлер, 2025

© Станислав Викторович Хромов, перевод, 2025

© Виктор Найденов, иллюстрации, 2025

© Галина Левичева, иллюстрации, 2025

ISBN 978-5-0050-3922-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ШАРЛЬ БОДЛЕР. ИЗБРАННОЕ

Рис. Г. Левичева

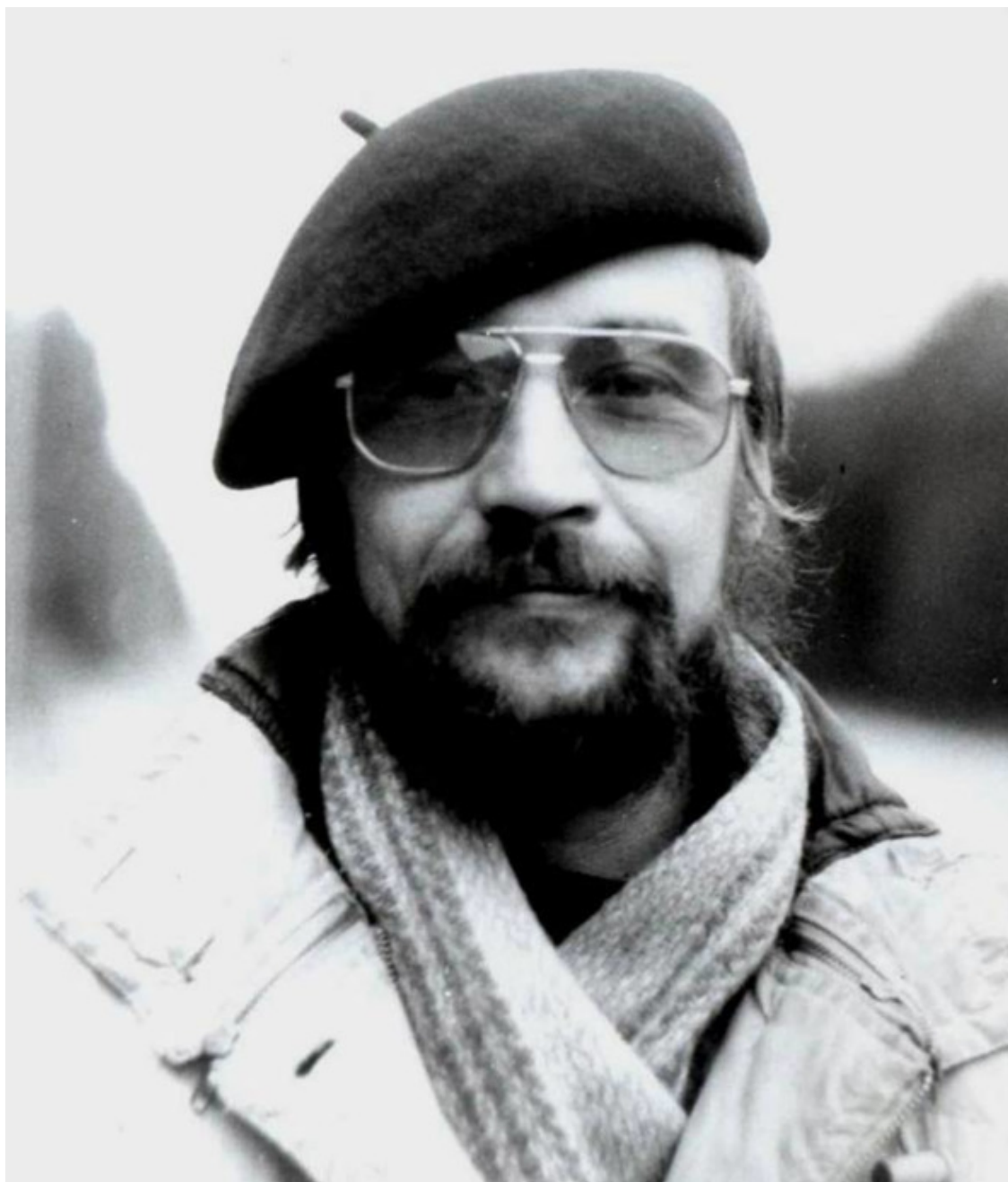
В переводе Станислава Хромова

В книгу переводов Станислава Викторовича Хромова включены переводы стихотворений известного французского поэта XIX века Шарля Бодлера.

Переводы Станислава Хромова сохраняют неизменным поэтический строй и передают изящество и смысл оригинала.

ИЗ СЕРДЦА...

За всю свою теперь уже долгую жизнь я не нашел ни одного объективного критерия искусства. Поэтому всегда смущаюсь, когда требуется высказать собственное мнение о культуре, искусстве, литературе. Мне нечего сказать, за исключением «нравится – не нравится». Но это мое личное, субъективное мнение, а оно никого не интересует. Слишком жестокая борьба за внимание людей идет в современном мире, слишком слабо и недееспособно искусство вообще. И все же, позволю себе предложить читателю небольшую заметку о стихотворных переводах, о которых, собственно говоря, сказано уже немало. Или почти все... Итак, суть вопроса я проговаривать не стану, не считаю себя настолько компетентным специалистом и авторитетным литератором. Гораздо уместнее, по моему мнению, привести слова одного

из наиболее уважаемых мною метров отечественного перевода С. Я. Маршака. В своем письме он говорит: «степень вольности и точности перевода может быть различная – есть целый спектр того и другого. Важнее всего передать подлинный облик переводимого поэта, его время и национальность, его волю, душу, характер, темперамент. Переводчик должен не только знать, что сказал автор оригинальных стихов, – например, Гейне или Бернс, – но и что, какие слова этот автор сказал бы и чего бы он сказать не мог». Лучше, по-моему, не скажешь.

Что касается моих собственных переводов, то я никогда не пытался «переталмачивать» стихотворные тексты слово в слово – это бессмысленно. В таком случае можно ограничиться подстрочником. Я никогда во время работы не думал о читателе – это убивает поэзию. Никогда не писал стихов и не делал переводов за деньги, зарабатывать стараюсь на другом поприще. Не всегда успешно...

Но, тем не менее, поэзией не зарабатывал никогда. Перевожу только то, что мне нравится, что близко мне. И перевожу так, как мне нравится. А это не всегда соответствует установленным критериям переводческого «ремесла», поскольку между современным человеком и оригиналом лежат, порой, необозримые временные дистанции. Даже ведь и на родном русском языке кто будет наслаждаться сегодня стихами Тредиаковского, Ломоносова или Батюшкова? Их знают специалисты, а моя задача – чтобы стихи давно ушедших от нас поэтов знали мои современники! Страна и эпоха здесь не имеют большого значения, поскольку искусство – субстанция общенациональная. Однако, есть одно обязательное условие для меня. Читая переводы, например, Бодлера, или Рембо, или любые другие, читатель должен знать, что именно ЭТО написал Бодлер, и именно ТАК, как изложено здесь. В той самой коннотации, в тех же семантических полях. Это первое.

Ну и второе, это конечно, задача перевода. Считаю, что культура всегда первична, скажем, культурные аспекты общественного развития Франции вплоть до сегодняшнего дня во многом определяют настоящее положение современного французского общества. А чтобы не повторять ошибок других народов, необходимо знать их культуру изнутри. Лично мне неприятен, и где то крайне неприятен нравственный код французской поэзии в целом, и декаданс «проклятых поэтов», в частности. Но так уж устроен, мир, что невозможно обойти стороной или игнорировать общее течение мирового культурного процесса... Но это к слову.

Так уж вышло, что последние лет пятьдесят россиянам было не до поэзии, а переводы многих иностранных поэтов, в том числе французских, делались мастерами слова сто и более лет назад. Естественно, что современная молодежь ни под каким видом не воспринимает их, они не цепляют душу современного человека в силу своего «устаревшего» изложения. О собственном видении поэзии говорить не стану, поскольку, чтобы сказать об этом коротко, мне потребуется очень много времени... К тому же, природа поэзии, как я считаю, пока не выяснена, не описана, не изучена.

В хартии международной федерации переводчиков отмечается, что «переводческая деятельность на сегодняшний день является постоянной, универсальной и необходимой во всем мире, делая возможным интеллектуальный и материальный обмен между нациями, она обогащает их жизнь и способствует лучшему пониманию среди людей». Трудно не согласиться, хотя, в целом, считаю данный «документ» пустой тратой слов и времени, направленной на ограничение беспристрастного выбора, прав и свобод личности в современном мире...

Ну да Бог с ним, меньше всего переводчик думает о каких-то хартиях, берясь за работу. О читателях, как я уже заметил, тоже мыслей немного. Труд литератора, это ведь почти физическая потребность, как пить и есть, спать, заниматься спортом или сексом... Кстати, последнее в сравнении ближе всего к действительности. Отсюда, наверное, и качество поэзии, страсть, любовь, чувства. Ведь им покорны все возрасты и все народы. Это может почувствовать каждый читатель через «мертвые», казалось бы, пожелтевшие страницы. Например, Гнедич переводил «Илиаду» с подлинника, он хорошо знал древнегреческий язык. А вот Жуковский древ-

негреческого не знал, делал свой перевод «Одиссеи» с подстрочника. Но насколько разнятся по качеству, по стилю и страсти эти два произведения Гомера в русском варианте! А бывает и так, что переводы поднимаются выше оригинала и становятся главным произведениями автора. О баснях дедушки Крылова промолчу. «Лолиту» переведенную самим автором на русский язык даже не вспоминаю. Скажу о переводе Наума Гребнева стихотворения «Журавли», положенном на музыку Яном Френкелем. Кто знает, что в оригинале написал Расул Гамзатов на своем аварском языке? Зато песню «Журавли» знают и любят теперь все!

И последнее. Поэт ведь может впитывать мировую культуру и трансформировать ее в себе. И затем выдавать собственные, оригинальные и одновременно талантливые произведения... И еще, лично от себя хочу заметить. Переводы и стихи я писал немного за двадцать лет, а если человек делает переводы и особенно пишет стихи в почтенном возрасте, то это уже смешно. Люди не будут читать такие переводы. Но это мое мнение, никому не навязываю. Однако, полагаю, что все хорошо в свое время.

С этим не поспоришь, наверное, – сложно спорить с графоманами, поэтому могу сказать, в данном случае, только о себе. Если я брался за перевод какого либо стиха, то это значит, что он глубоко задел меня. Задел настолько, что лучше я сказать не смогу, а хуже – не хочу. Я испытываю чувство огромной признательности этому человеку, но не только. Я благодарен тем, кто приобщил меня к мировой культуре, истории, искусству – тем, кто сделал эту радость доступной для меня – своим родителям, наставникам, учителям. И я чувствую также некие обязательства перед ними и обществом в целом – пронести эту культуру и передать следующим поколениям. Одна из таких людей, мой преподаватель Галина Яковлевна Гиевая, лучший учитель всех времен. Благодаря ей я еще совсем молодым человеком понял силу и высокое назначение мировой истории и культуры. Мог бы много рассказать об этой без преувеличения выдающейся женщине. Надеюсь, что она жива и здорова, живет в Дмитрове. Думаю, очень повезло тем детям и их родителям, которые отдали своих детей в ее школу.

Я всегда говорил друзьям – поэтам: не будет среди нас Пушкина, Лермонтова, Блока... Мы пройдем это тяжелое для России время незамеченными. Но мы должны, просто обязаны сохранить на нашей земле отечественную и мировую культуру – для идущих за нами. Как сделали это наши братья в огненные революционные годы, в страшные времена сталинских репрессий, в мутное стеклянное время застоя. Они, эти люди любили нас, они надеялись, что и мы будем так же любить следующих...

Я написал эти строки не задумываясь о последствиях, мне тяжело о них думать. Многое утеряно в моей беспокойной жизни, но то, что осталось, хочу предложить на суд читателя. Я написал эти строки честно и наивно, не вдаваясь в наукообразные подробности. И прямо сейчас посылаю их издателю, чтобы я сам ничего не смог бы уже исправить или убрать из них... Это – как пишется настоящее стихотворение – из души, из сердца, на одном дыхании!

Станислав Хромов

К ЧИТАТЕЛЮ

Безумство похоти, желаний алчный ряд
Дух растлевая, старят неизбежно;
Но в угрызеньях совести прилежно
Мы терпим муки, как укусов яд.

В слепом раскаянии, порока не избыв,
Опять спешим в греховном мире жить,
Смеясь в душе, греху опять служить,
Позор слезами жалкими омыв.

Наш разум сонный Демон Трисмегист
Накинув зло, баюкает на ложе;
И ценный дар – свободу духа – тоже
Поглотит бездна, хоть ты сердцем чист;

Нас преступлениями Дьявол совращает,
И мы средь мрака гнусного идем
Бесстрашно в Ад проторенным путем,
Который наслаждений не прощает;

Как ловелас в борделе нищем – злой
В дурную грудь вливается зубами,
Мы ищем тайны грязной между нами,
Лаская плоть, как будто плод гнилой;

Безумных демонов у нас в мозгу клубок
Кишит и возится червями беспрестанно,
Вздохнешь ли – Смерти сладкая нирвана
Вливает в грудь невидимый поток.

Пока огонь и яростный кинжал
И яд еще не вывел след кровавый;
Дни обрамляя тленной отравой,
Наш дух позор бессилия стяжал.

В зверинце этом рык и лай, и спесь
Пантер, горилл, гадюк и псов взбешенных,
Стервятников, – но в душах отрешенных
Перед грядущим нет испуга здесь.

Никто не возопит, все слито воедино —
Безумство, исступление, порок;
И мир провалится, когда наступит срок,
В кромешный зев под хохот паладина...

То – Скука верная! Пуская дым из гуки,
С тоской сопровождает на эшафот,
Но мой близнец – читатель-лгун – поймет
Все тонкости чудовищной той скуки?!

БЛАГОСЛОВЕНИЕ

Поэт явился в мир тоски и горя,
Без счастья, без возможностей и прав,
И мать его, создателя позора,
Воздела руки к небу, зарыдав!

— Я родила чудовище, о боже,
Да лучше б змей кишел клубок во мне,
Будь проклят он, и ночь той страсти тоже,
Расплату за грехи зачавшая во тьме!

За что воздал мне господи, скажи лишь,
Стать матерью уроды средь людей;
Его в огонь сжигающих страстей
Как тайное послание, не кинешь!

Так пусть падет весь гнев и зло твое
На монстра этого, — о нет страшнее мести, —
В ствол дерева вонзится острие,
И плод умрет с твоим проклятьем вместе!

Глотая пену ярости слепой
И не поняв веленья высшей воли,
Безумная, сложила под собой
Костер из материнских слез и боли!

Но ангелы не могут жить без них —
Изгоев и бродяг! Дитя благословляя,
Амброзию из солнечных своих
Краев ему недаром доставляют.

И вслед за ним, поющим безмятежно,
Оплакивают горько крестный путь
Малютки, что под небом неизбежно
К гибели придет когда-нибудь.

Твоя любовь презрением гонима,
А чистый взор рождает в людях гнев,
Они страданий ждут от пилигрима
И гибели, от злобы опьянев.

Их ядом даже горький хлеб отравлен,
В вине разводы бешеной слюны,
Им чуждо все, на чем твой след оставлен,
И гений здесь виновен без вины.

И в той толпе жена твоя без лени
На перекрестках всех и на торгу
Кричит: – «Он мной повержен на колени,
Все, что угодно, сделать с ним могу.

Я умаху божественную кожу,
Поставлю угощение ему —
И этим дух растлю и уничтожу,
И в жертву божий дар его приму.

Когда ж наскучат муки иноверца,
Как гарпия, показывая нрав,
Я когти выпущу, которые до сердца
Достанут, грудь поэта разорвав.

И зверь во мне откликнется без злобы,
Когда возьму, как птицу из гнезда,
Я это сердце трепетное, чтобы
Швырнуть на растерзание туда!» —

Но ты, поэт, воздевши к небу руки,
Презрел своих бесчисленных врагов,
И смех толпы, и горький миг разлуки,
В лучах лететь к всевышнему готов.

– Хвала творцу, – в страданиях без меры
Есть все же суть божественных Начал;
От жажды душ нам дан напиток веры,
Которого сильнее не встречал.

Вкусив его, как радость неземную,
К святому воинству в броне своих уродств
Примкнет поэт, – во власть совсем иную, —
Под знаком Сил, Престолов и Господств.

Я знал одну, но славную дорогу,
Мне муки ада вовсе не страшны,
Во времена, отверзнутые богу,
Я сплел венец неведомой страны!

Венец роскошный даже для Пальмиры!
Достань хоть все алмазы из морей,
Все изумруды будущего мира —
Ничто перед короною моей.

Она горит во тьме вселенской ночи
И на века останется светла,
И отразив тот свет, людские очи
В веках померкнут, словно зеркала.

АЛЬБАТРОС

Забавой для тоскующих матросов
Порой бывает долгим жарким днем
Ловить огромных белых альбатросов,
Летающих в море вслед за кораблем.

И вот на палубе красавец этот рослый,
Ступая неуклюже, за собой
Влачит беспомощно, как брошенные весла,
Крыла могучие в стихии грозовой.

Он так взмывал торжественно в лазури,
А здесь вдруг стал смешон и уязвим —
Матрос в насмешку трубкою окурит,
Другой заковыляет вслед за ним.

Так и поэт, — над черной бездной моря
Парит недостижимый во мгле,
Но крылья исполинские, задоря
Невежд, ходить мешают по земле.

Рис. Г. Левичева

ВОСПАРЕНИЕ

Лететь туда – в туманные просторы,
Где океан с бездонной далью слит,
Где в облаках над ним сверкают горы,
В таинственный над звездами зенит.

Туда, мой дух тревожный, без возврата
Отчаянным пловцом стремишься ты,
Чтоб в тех глубинах встретиться когда-то
С загадкою бездонной темноты.

Бежишь, презрев печать земного тлена,
И низкий кров родного очага,
Чтоб звездный свет свободы вдохновенно,
Как бог Олимпа, пить из родника.

О счастлив тот, кто смог восстать из праха,
Из черной мглы и скорби мировой,
Не ведая раскаянья и страха
В седую высь полет направил свой;

Кто, возлюбив мечту свою, в лазури
Как жаворонок трепетный взлетел —
Ему понятен рев вселенской бури,
И шепот трав, и гул небесных тел.

СООТВЕТСТВИЯ

Природа – храм таинственный, где речи
Неясные, порой, слышны из колоннад,
И в чашу символов нас манит чей-то взгляд,
Где лес знакомый чувства наши лечит.

Где голосов согласных в отдалении
Блуждает эхо, мы заметим вдруг,
Как стройно образ, запах, цвет и звук
Сливаются в едином откровении.

Где запах свежих девственных полей
Как голос флейты чист, и нежен, как ребенок,
Вот ароматы чувственных страстей,

Что гаммой чувств, где каждый запах тонок —
И мускус, и бензой, и фимиам —
Тревожат область подсознательную нам.

Я полюбил то время золотое...

Я полюбил то время золотое,
Где статуй наготу лучистый Феб покоил,
Где люди, глядя в солнечную даль,
Не знали в жизни ложь или печаль.
В природе, что теплом лучей цвела,
Купались обнаженные тела,
Она покой своих детей хранила,
И в изобилии их ласково растила
Кибела – мать всего, и с самого начала
Из бронзовых сосцов всех равно оделяла.
И был отважный опытный эллин
Для женщины и бог, и властелин,
Гордился ею – чистой, воздыхавшей,
Как спелый плод, на землю не упавшей.

А что теперь? Когда поэт стремится
Вновь к наготы природной обратиться
И ей, как прежде, должное воздать,
Он видит лишь чудовищ мерзких рать
И с отвращением глядит – не то, что прежде,
На обнаженных монстров без одежды!
Одни согбенны – груди плоски, хилы,
Жирны другие, третьи – как гориллы.
Как будто во младенчестве их бог
В железа кутал с головы до ног.
Блудливых жен мертвеющая бледность,
Корысть, разврат – и вот закономерность:
Их дочери, что тянутся до срока
К греху, усвоив выгоды порока!

Однако, в наше столь уродливое время
Иную красоту несет людское племя,
Что древним и не снилась вовсе, может —
Печаль и скорбь, что язвой сердце гложет.
То музы современный нам недуг...
И в обществе больном пробьется вдруг
Восторга луч – летами молодыми,
Весельем их, суждениями прямыми,
Очами голубыми, теплотой —
Ведь юность дарит нам в печали той,
Как по весне цветущий пышно сад,
Прелестной чистоты напевный аромат.

МАЯКИ

Море сонной в забвении плоти,
Сад высокий любви без тревог —
Рубенс! – С ветром к страстям и к свободе
Мчится жизненный бурный поток.

Леонардо да Винчи – в зеркалах
Улыбаются ангелы там,
Где за ними в заснеженных скалах
Тайна в соснах бредет по пятам.

О, Рембрандт! – Стон больничной палаты
В темных сводах возносится ввысь
Тех, кто жаркой молитвой объаты,
Из зловонных трясин поднялись.

Микеланджело – будто бы в драме
На гробницах былой красоты,
Вдруг смешались Гераклы с Христами,
Обреченно ломая персты.

Бой кулачный и грубость сатира —
Дух высокий, угасший уже,
Ты воспел из далекого мира,
Рабской похоти зодчий – Пюже.

Где веселое время настало
Карнавальным огнем залито,
Мотыльком среди шумного бала,
В мире сказочном кружит Ватто.

Гойя – мерзкий шабаш, где вращают
Черти выкидыш в адском котле,
И девчонок нагих совращают,
И блудят старичишки во мгле.

Крови озеро в чащах зеленых,
Падших духом немая пора —
Звуки Вебера в красочных кронах
Здесь услышал ли Делакруа?

Этот идол воздвигнут навечно
Из восторгов, проклятий и слез,
Что блуждают во тьме бесконечной,
Опьянев от божественных грез.

Эстафета времен преходящих,
Звук трубы боевой сквозь века,
Крик о помощи в волнах бурлящих,
На вершине огонь маяка.

И останется это, о боже,
Подтверждением вечным тому,
Что и в горьких рыданиях все же
Мы верны естеству своему.

БОЛЬНАЯ МУЗА

Случилось что с тобой, моя больная муза?
Утрами твой видений полон взгляд;
На лобик ледяной теней безумных ряд
Ложится тяжестью безжизненного груза.

Быть может, домовой, иль бледная суккуба
Тебе отравы в чаше поднесли?
Или потопа волны унесли
Тебя в кошмар властительно и грубо?

Нет, нет! Останься, будет впереди
И аромат, и свежий вздох груди,
И снова кровь по жилам заструится,

Как четкий слог, – и вновь страна приснится,
Где песни средь садов поет лучистый Феб,
И дремлет Пан, и тучно зреет хлеб.

ПРОДАЖНАЯ МУЗА

Любовница придворной суеты!
Пурга январская заносит все дороги,
Тоскливо ветер воет на пороге,
Погас камин, и снова зябнешь ты.

И лунным светом ночью греешь плечи.
Вино все выпито – где ж мир лазурный тот,
В котором жизнь по-новому пойдет,
И фея золотом осыплет наши речи.

Кругом разврат, бессонница, тоска,
Молитва ради жалкого куска —
Церковным служкой трешься у амвона,

То донага раздета пред толпой,
Ты скачешь в безысходности слепой
Сквозь слезы у редакторского трона.

СКВЕРНЫЙ МОНАХ

Светились Истиной иконы в темном зале,
Что были писаны за совесть – не за страх,
Благочестивых стен тогда оберегали
Покой и красоту в святых монастырях.

Ростки учения всевышнего – монахи,
Отжив в трудах, ложились в эту твердь,
И голову склонив на смертной плахе,
Они в душе благословляли Смерть.

А мне мой гроб – душа, и жизнь моя – могила,
Соседствует всегда божественная сила
С пустой обителью вселенских вечных мук,

Воздвигну ль я на этом гадком месте
Чудесный храм с мечтой вместе —
Творение моих извечно праздных рук?

ВРАГ

Я помню молодость лишь в сумраке грозы,
И редкий луч, прорвавшийся сквозь тучи;
В саду давно залило борозды,
А дождь все лил и лил с небесной кручи.

Пришла пора осенних размышлений,
И снова надо грядки беречь...
Из ям с водой воскреснет сад осенний —
Из ям, в которых можно хоронить.

Кто знает, к радости поднимутся ли снова
Цветы из этого раскисшего покрова,
Что соком вод проточных напоен?

О, горькая судьба!
Вся наша жизнь случайна,
И враг ее высасывает тайно,

НЕУДАЧА

О, подари мне высший свет,
Сизиф – твой дух велит мне жить,
Чтоб мог я труд свой завершить!
Искусство вечно, время – нет.

И потому к гробам земным
От тех гробниц, что их чудесней,
Летит мой дух, и вслед за ним
Мотивы погребальной песни.

Они забытые в глуши,
Хранят с тоской не для забавы
Во тьме сокровища души;

В обители пустынной травы,
Как тайну сладостной отравы,
Льют чудный аромат в тиши.

ПРЕДСУЩЕСТВОВАНИЕ

Я жил когда-то в царственном дворце...
Тянулись всюду колоннады в небо —
Он представлялся гротом мне волшебным
В лучах заката, в солнечном венце.

Я слушал, как вздыхает океан,
Какую музыку вечерний шум прибоя
Уносит в небо ало – голубое,
Цветами радуги чудесной осиян.

И так бесцельно в роскоши я жил —
В лазури волн, как будто посторонний,
Среди нагих рабынь и благовоний,

Как часто тайный червь меня сушил,
Когда невольница, качая опахалом,
Склонялась ниц, и вал гремел за валом.

ЦЫГАНЫ

Старейшины поднялись, и в дорогу
Пустился табор в грохоте в пыли —
Так рок велит таинственно и строго!
И вот их нет, они вчера ушли.

Скрипят в степи цыганские обозы,
Ножи сверкают, слышен детский крик,
Судеб земных в очах блуждают слезы,
Гадалок взор в заоблачье поник.

Заслышав скрип, кузнечики звенят,
Над степью звон разносится цикад;
Кибела наливает травы соком,

Для вечных странников оазисы хранит,
Родник пробьет и в путь благословит
Их – тьму прозревших в таинстве глубоком.

ЧЕЛОВЕК И МОРЕ

Как отражение души своей свободной
Ты любишь море, вольный человек!
В душе твоей останется навек
Движенье волн и лик его холодный.

Не оттого ли любишь ты так странно
Глядеть часами в водный оком,
Что гнев души и горечь сердца в нем
Сливаются с тобою многогранно.

Вы скрытны оба так же, как темны —
Бездонность не измерить человека
И тайны не дано узнать от века,
Как не достать сокровищ с глубины.

Зачем же так на долгие века
Схватились вы в пустом жестоком споре?
Вы гибнете, повсюду сея горе,
О, братья-недруги, победа далека!

ДОН ЖУАН В АДУ

Сошедши в царство мрачное Аида,
Встал Дон Жуан с деньгою на реке,
И хитрый кормщик нищенского вида
Его помчал в бесстрастном челноке.

А следом скорбных женщин завыванье —
Грудей нагих лохмотья распустив,
Со стоном жертв, идущих на закланье,
Толпа ревела траурный мотив.

Ехидно Сганарель взывал к уплате,
И дон Луис, все тыча пальцем зло,
Теням вокруг показывал некстати
На сына, с коим так не повезло.

Эльвира с дрожью вдовым взглядом зыбким
Молила, все измены позабыв,
Чтоб муж хотя б прощальную улыбку,
Оставил, в даль забвения отплыв.

И командор из камня плыл с ним рядом,
Но обняв шпагу, чуждый до всего
Безбожный муж, герой уж больше взглядом
Средь волн не удостоил никого.

ВОЗДАЯНИЕ ГОРДОСТИ

В ту пору чудную, когда у Богословья
Хватало сил, терпения, здоровья,
Нашелся врач, что в помысле высоком
Решил рассеять жуткий мрак над богом.
Он в пропасть черную проклятия кидал
И в горних истинах, запутавшись, блуждал.
Где чистый Дух лишь путь увидеть сможет,
Но от души старался он, похоже.
И в гордости затмения не чая,
Он крикнул, к небу взоры обращая:
– Ты слышишь ли, Ничтожество? Христос!
Неправду, на которой ты возрос,
Открою людям, и для поколений,
Как выкидыш, ты скроешься в забвеньи!

Так он кричал, безумный, и тогда
Исчезло солнце в небе без следа,
И гордый храм рассудка и свободы,
Дарами наделенный от природы —
Гармонией чудесной, красотой,
В наставшей тишине покрылся тьмой
И стал похож на мрачные чертоги.
Как пес бездомный, брел он без дороги,

Не различая даже время года —
Посмешище людей, презрение народа,
Зловещий, жалкий, горечью убитый,
Как хлам ненужный, всеми позабытый.

КРАСОТА

Меня мечтой из камня неспроста
Зовут художники, – я вечна и прекрасна!
Груди моей немая красота
Над смертными вовеки будет властна.

Я – гордый сфинкс в просторах поднебесных,
Я – лебедь белая и холод ледяной,
Застывшее движенье форм чудесных,
Земные страсти лик не тронут мой.

Всю красоту, что так людей манила
Веками, я в себе соединила,
К моим ногам Поэты припадут,

И их влюбленная тоскующая лира
Во мне прославит ту зеркальность мира,
Что в камне замерла навечно тут.

ИДЕАЛ

Рисунки эти не являют идеала,
Их ядовитая печаль неглубока —
Нога красотки в туфле пошло алой,
Трепещущая с веером рука.

Не соблазнит болезненным покоем
Ни Гаверни, ни кто-нибудь другой,
В садах чахотки разум мой изгоем
Блуждает, будто вправду он изгой.

Жена Макбета ближе и желанней, —
Страсть, уводящая в просторы мирозданий,
Какой Эсхил ее вообразил,

Ночь Микеланджело, сумевшая моею
Душою овладеть, и наслаждаться ею
Лишь у титанов нынче хватит сил.

ГИГАНТША

Когда Природа, вдруг преображаясь,
Крушит породы, сеет смерть и страх,
Я вновь к гигантше юной возвращаюсь
И, словно кот, лежу у ней в ногах.

Смотрю, как вольно плоть ее колышет
И распирает жуткая игра,
И как огонь в очах туманных пышет,
Как пьет и ест огромная гора.

Все формы я обследую неспешно,
От исполинских ног и до груди,
Когда в жару заляжет спать безгрешно

Она, да так, что поле загудит...
И меж грудей вздремну я безмятежно
Без всяких дум и страха впереди.

МАСКА

Аллегорическая статуя в духе Ренессанса, Эрнесту Кристофу, скульптору

Как изваянье флорентийской школы,
Налита Силой, но Изящества полна,
Чудесно скинув мраморные сколы,
То двух Сестер творение она.
И неземной, какой-то адской мощью
Манит к себе ее девичий стан,
Не для утех ли сильных мира ночью
Ей сладострастный лик всевышним дан?

Не скрыть на нем ни Самолюбования,
Ни томный взор с улыбкой кротких губ,
Ни то, чему не выдумать названья —
Зовущее, как гром победных труб:
— С Соблазном я повенчана Любовью! —
В возвышенности этой огневой
Величие страстей играет кровью!
И перед ней смолкает голос твой.

Обман творения! Ты божьего закона
Не ведаешь, являясь миг спустя
В облинии двуглавого дракона —
Свой настоящий облик обрета.
Лишь скинув красоту притворной маски,
Что дарит свет восторженным сердцам,
Предстанешь ты чудовищем из сказки —
Привычным, как и мир жестокий сам,
И вperiшь в душу алчущие глазки.

Плачь, Красота! В чужом пиру похмелье
Залить ты хочешь реками из слез,
И я, чужим обманутый весельем,
К ним припадал в тоске пустынных грез!

— О чем рыдать? Мечта о совершенстве,
Что мир людей смогла навек увлечь,
Болезнь таит ли в видимом блаженстве?

О нет, твоей тоской не пренебречь, —
То не пустое в мире сожаленье
О бесполезной жизни, а удел
Безрадостный великого творенья —
Жить вечно так, как мир того хотел.

ГИМН КРАСОТЕ

Откуда, Красота, являешься ты в мир?
Глядишь на нас с небес или из ада?
Лобзаньем опьяняющий кумир,
Добра и зла ты высшая отрада.

В очах твоих желанная заря
И ароматы буйного заката,
Вознесся юноша, судьбу благодаря,
Герой во прах повержен чашей яда.

Но звезды ли тебя иль ад благословил?
Как пес, твой Демон вечно ходит рядом,
Загадкою неведомых нам сил
Восторг в душе ты будишь грешным взглядом.

По трупам ты проходишь безмятежно,
Вселяя страх алмазами очей,
Канвой на бедрах дум преступно нежных
Заставишь сердце биться горячей.

И вот летит лучами ослепленный,
Летит к тебе, сгорая, мотылек;
С возлюбленной сливается влюбленный,
Как с гробом труп, когда он в землю лег.

Но стань ты хоть чудовищем ужасным,
Или мечтой с лазурью детских глаз —
Твой образ будет тайным и прекрасным,
В безбрежный мир всегда ведущий нас!

Ты Сатана, скажи, или Спаситель?
Ты голос Ангела или Сирены зов?
Но Красоты лишь ты освободитель
Из плена тяжкого в мир звуков и цветов!

ЭКЗОТИЧЕСКИЙ АРОМАТ

Я вижу берег моря и закат,
Над ним лучи размеренного света, —
Закрыв глаза, я вновь представляю это,
Грудь твоей вдыхая аромат.

И остров в знойной лени волн морских,
Мясистые плоды деревьев неизвестных,
Свободных женщин, стройных и чудесных,
Мужчин с могучими телами среди них.

За счастьем, словно ветер юга, пряным,
Туда, где в бухтах реют паруса,
Хочу сквозь бури плыть к далеким странам,

Где тамаринда буйные леса
Благоухают рядом с океаном,
И песнь матросов рвется в небеса.

ВОЛОСЫ

Дорогое руно, пышных локонов вязь!
Над альковым струит ароматы
Нежной страсти желанная связь;
И мечты, что дремотой объаты,
На руно облетают, смеясь...

И уносят меня за леса
Знойной Африки, Азии томной,
Где темны, как руно, небеса!
Я лечу в этой бездне огромной
На зовущие вдаль голоса!

Я лечу в этот чувственный зной,
Где пришельцы от страсти немеют,
Вместе с черною рунной волной!
Только море кипит подо мной,
И огни над фрегатами реют;

Медом песен, цветением трав
Дух напьется, в прохладе тоскуя;
Якоря возвратят корабельный устав,
В даль отчалият фрегаты морскую,
На заре паруса распластав.

И волной опьяненный, склоняясь над ней,
Я замечу иное течение,
В черных недрах, что зыби сильней;
И душа моя в струях влечения
Уплывет за кормой кораблей.

Эти волосы – свод поднебесный,
Долгой ночи роскошный шатер;
Запах смол и кокоса чудесный,
Что на мили крыла распростер,
Пьет душа над чернеющей бездной.

Будет вечная россыпь алмазов
В этих косах тяжелых гореть,
Чтоб устав от минутных экстазов,
Бред былого и память размазав,
Я от скуки не мог умереть.

Я ласкал тебя так...

Я ласкал тебя так,
как ласкают ночные светила —
В их далеком мерцанье
есть жуткая тайная сила,
Неподвластная разуму, полная светом печали!
Я ласкал только дым,
улетающий в дальние дали,
Он безмолвием странным
и дразнит, и сводит с ума,
И с небес, словно пропасть,
нисходит бездонная тьма!

Снова с жадностью в плоть
я впиваюсь могильным червем,
Но бесчувственный труп
безразличен в молчанье своем.
О, жестокая тварь!
Тем сильнее влечешь ты меня,
Чем лежишь холоднее, немую улыбку храня.

О, ты в постель весь мир бы затащила...

О, ты в постель весь мир бы затащила,
От скуки, тварь, и злость твоя, и сила!
Остры клыки, а значит, срывы редки —
Усвоила вполне науку сердцеедки.
Как окна бара, факелы толпы —
Глаза горят, а мы в ночи слепы.
Вся красота твоя обманчива и лжива,
Как воровская гнусная нажива.

Станок бесчувственный, вампир, сосущий кровь,
Погубит мир моя к тебе любовь!
Ты в разных позах в зеркале таишь
Бессовестно обман соблазна лишь
И бездну зла, которым полон мир,
Затмил навеки гордый твой кумир —
Природы темный дух, позор людей и скверна
В тебе живут, и ты им служишь верно,
– Животное – глумишься над творцом.

Икона светлая с чудовищным лицом.

Кто возродил тебя из темноты...

Кто возродил тебя из темноты,
Колдун ли негритянский в недрах темных
В краях, табачным дымом напоенных?
Дитя полуночи, мой вечный идол ты.

Хмельней вина и опиума слаще;
Ты – демон мой, ты – духа палестины
В колодцах глаз печальные картины
Встают в мечтах все горестней и чаще.

Мегера! Взглядом жечь меня не надо,
Мне не огонь твой нужен, а прохлада,
И я не Стикс, чтоб страсти остудить,

В объятьях девять раз тебя сжимая!
О, Прозерпина – ад на ложе зная
С тобой, я не сгорю – я буду жить!

Мерцали одежды, струился наряд...

Мерцали одежды, струился наряд,
Упругие в танце змеином
Звучали шаги, и горел ее взгляд,
Как перед священным факиром.

Бесстрастность песков и пустынь синева
В ней, чуждая людям, звучала,
Из рук океанскою зыбью она,
Холодная, вдаль уплывала.

В разрезах очей изумруды цвели...
И в мире ушедшем былинном,
Где сходятся сфинкс с серафимом,

Где светятся сталь и алмазы земли —
Бесплодная женщина светит
Звездой, бесполезной на свете.

ТАНЕЦ ЗМЕИ

О, этот женственный загар
Чарует сразу!
Упругий матовый муар
Приятен глазу.

И в волосах сквозит слегка,
Как в сне спокойном,
Порыв морского ветерка
В заливе знойном.

Исчезнет прежняя печаль,
Когда с тоскою
На корабле отчалию вдаль
С волной морскою.

И будут мне светить тогда
Без сожаленья
Очей чудесных жемчуга —
Ночи творенье.

Качнулся твой змеиный стан,
Бездушный к ласке,
И танцем вечным обуян,
Вдруг взвился в пляске.

Головку в локонах склонив,
По-детски скромно,
Танцуешь, но тебя мотив
Ведет неровно.

Одежды парусом седым
Спадают будто,
Но разглядеть их легкий дым
В тумане трудно.

Лишь зубы белые горят,
Слюной омыты,
Так льдин в реке весенний ряд
Несет открыто.

Я залпом выпью всю тебя,
Подобно чаше,
В туманность звезд пролью, любя,
Блаженство наше.

ПАДАЛЬ

Когда гуляли мы под солнцем знойным,
Вы помните, душа моя,
На тропке падаль в виде непристойном
Гнила, оскал свой затая?

Она, раскинув ноги, словно шлюха,
От жара похоти вспотев,
Разверзнутое выпятила брюхо, —
Чудовищный зловонный зев.
И солнце жгло нещадно эту тушу,
И гной сочился на жнивье,
Чтобы отдать Природе, отняв душу,
Останки бренные ее.

И отвращения тогда при виде тела
Вы не сумели побороть,
Лишь сверху небо синее глядело
На развалившуюся плоть.

Над ней уже давно роились мухи,
Жужжаньем оглашая зной,
И видно было, как личинки в брюхе,
Ползли, высасывая гной.

Вся эта груда мерно шевелилась,
Как будто снова ожила —
Дышала смутно, множилась, плодилась
И становилась тяжела.

И шорохи неясные под тленом
Неслись — в них можно было угадать
Гниющих вод движение рефреном,
Шуршанье зерен, топкую ли гать...

Созвучий зыбких, черт соединенье
Неясное, как сонный бред,
Пока художник, вспомнив, на творенье
Не обозначит тень и свет.

У камня притаившаяся сука
Косясь, со злобою ждала,
Пока уйдем мы, чтоб без звука
Кусок умыкнуть со стола.

Вот так и Ваш холодный труп могила

Когда-нибудь покроет тьмой
Моя звезда, души моей светило,
Вы, несравненный ангел мой.

И Ваш чудесный стан на ложе будет
Покоиться в сырой земле —
Небытие и тлен вгрызаться в груди,
И черви ползать на челе.

Но и познав сверлящие лобзанья,
Скажите им, мой друг, тогда,
Что красота – бессмертное создание —
Во мне осталась навсегда.

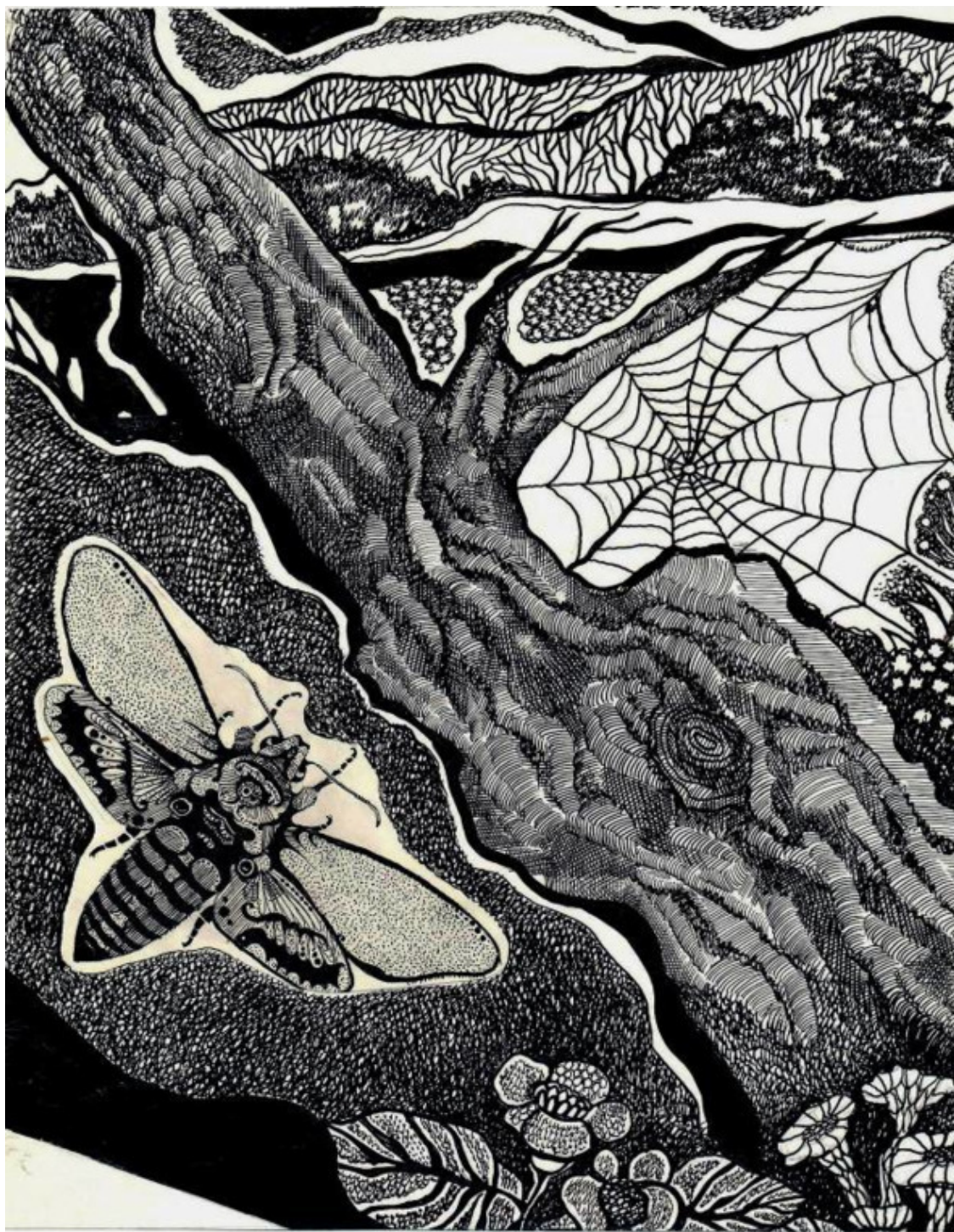

Рис. Г. Левичева

ИЗ БЕЗДНЫ ВЗЫВАЮ

К тебе одной из пропасти взываю,
Откуда нет возврата для тебя,
И где свой дух тоскующий губя,
Я век под небом мрачным доживаю.

Полгода солнце вижу ледяное,
А в остальное время – ночь и мрак;
Там горизонт полярный нищ и наг,

Ту пустынь зверь обходит стороною!
Ужасен лик холодного светила —
Бесстрастный, как холодная могила
И Хаос ночи! Дай же мне любым

Забыться сном тяжелым и тупым,
Чтоб словно тварь, хотя б я выжить мог,
Пока мотает Время свой клубок.

ВАМПИР

Ты острый меч, смеясь, вонзила
Мне в сердце скорбное сплеча,
Ты – завлекающая сила,
Ты – злоба черного смерча.

И душу, тающую пылко,
Ты топчешь, словно половик,
– Влечешь, как пьяницу бутылка, —
Раздался мой бессильный крик.

– С тобой, как каторжник в оковах,
Как червь на трупе, жизнь влачу,
Тебя в пронзенном сердце снова
Проклясть я каждый день хочу!

О, сталь кинжала роковая,
Убей ее, – но нем кинжал,
И к яду верному взывая,
Я в жалкой немощи дрожал!

Но знать, чудовище сильнее —
Кинжала с ядом был ответ:
– Иди, ничтожный раб, за нею,
Тебе закрыт свободы свет.

Безумец, вот тебе награда —
Когда вампира воскресят
Твои уста, твой страстный взгляд,
Ты, жалкий, примешь муки ада!

В постели мы раскинулись, как трупы...

В постели мы раскинулись, как трупы —
Еврейка сумасбродная и я,
А сны летели в грустные края
Ее любви, продавшей так грубо.

Я вдруг представил строгий ее нрав,
Кристалльный нрав, немую величавость, —
Чтоб воскресить мечтой любовь и радость,
Холодную действительность поправ.

Как я любил бы, как боготворил
И нитью ласк все тело бы обвил
От черных кос до ног ее чудесных,

Когда б в тоске стеклянные глаза
Однажды вечером подернула слеза,
Покой с лица смывая в темных безднах.

ПОСМЕРТНЫЕ УГРЫЗЕНИЯ

О, там никто пустых не тратит слов!
Мой ангел, и тебя возьмет могила —
Сырой подвал, пучины темной сила —
Твои покои, мраморный альков;

И там во тьме, под каменной плитой
В груди затихнут страсти куртизанки —
Уж вожелений тайные приманки

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.